

А. М. Хлопников

Н. Ф. Кошанский и его время

Н. Ф. Кошанский родился в 1781 г.¹, по другим данным, датой его рождения является 1787, 1785 или 1784 г.². Он происходил из дворян Московской губернии. О первоначальном образовании его практически ничего не известно.

В 1797 г. Кошанский поступил в Московский университетский благородный пансион. В это время пансионом руководил профессор кафедры энциклопедии и натуральной истории А. А. Прокопович-Антонский. Заботясь о высоком уровне преподавания в пансионе, он добился того, чтобы все лучшие профессора университета одновременно преподавали бы и в пансионе. Указывая на большое методическое значение естественнонаучных знаний для развития мыслительных способностей учащихся и приобретения ими навыков систематизации, Прокопович-Антонский в то же время прежде всего стремился привить им вкус к литературе и искусству³.

Бывший воспитанник Московского благородного пансиона, известный литературный критик, М. А. Дмитриев вспоминал, что особенно высоко было поставлено в пансионе «литературное образование, которое более всех других способствует не к специальным занятиям, а к общей образованности, которая, соответствуя потребностям тогдашнего просвещенного общества, была действительно нужнее положительных знаний». По словам М. А. Дмитриева, изучая произведения лучших российских и иностранных писателей, воспитанники Благородного пансиона изучали «теорию

словесности постепенно, начиная с логики, как формы мышления, и переходя к риторике, как внешней форме речи. В высшем классе преподавалась пиитика и эстетика... Истории литературы собственно не преподавали, но она составлялась сама собою в уме нашем, при последовательном обозрении писателей»⁴. Директор пансиона сумел создать особую атмосферу, в которой воспитанники имели возможность проявлять свои литературные дарования. В пансионе проходили «Собрания воспитанников», деятельными участниками которых были В.А.Жуковский, бр. Тургеневы, М.С.Кайсаров. К сожалению, не сохранилось сведений об участии Н.Ф.Кошанского в этих мероприятиях, но несомненно, что пребывание в благородном пансионе положило прочное основание литературным интересам Кошанского и его тяге к гуманитарным дисциплинам.

Представление о духе Московского университета и пансиона при нем в конце 1790-х — начале 1800-х гг. неотделимо от мысли о позднем масонстве с его пафосом самопознания и программой нравственного совершенства личности и о литературе формирующегося сентиментализма. Именно на новейшие образцы русской словесности – на Державина и Хераскова, Карамзина и Дмитриева – ориентировали учеников пансиона их наставники, озабоченные развитием литературных дарований. Уже значительно позднее, в годы, последовавшие для Кошанского за окончанием университета, он оставался в курсе и русской, и европейской литературной жизни⁵.

Успешное прохождение пансионного курса дало Н.Ф.Кошанскому основательную подготовку к университетским лекциям⁶.

Положение пансионера давало право на посещение университетских лекций, которые Н.Ф.Кошанский начал посещать с 1798 г., где уделял внимание обучению «языкам российскому, греческому, латинскому, французскому, немецкому и английскому». В следующем, 1799 г. он был формально произведен в студенты.

В Московском университете, где Н.Ф.Кошанский обучался с 1799 по 1802 г., будущий лицейский профессор прослушал курсы на двух факультетах: философском и юридическом, получив при этом золотую медаль «за отличные успехи в науках» по окончании философского факультета⁷.

Еще будучи студентом, Н.Ф.Кошанский начал педагогическую деятельность, став преподавателем риторики в родном Благородном пансионе. Окончив университет в 1802 г., Н.Ф.Кошанс

кий продолжил свою преподавание в пансионе, став при этом еще и учителем греческого и латинского языков в университетской гимназии, где проработал до 1805 г.

Как пишет один из историков Лицея: «Трудясь над сочинением и изданием книг, отправляя должность преподавателя в Пансионе и Гимназии, Николай Федорович, благодаря прекрасным способностям и неутомимому труду, находит время следить за науками и готовить себя к новому экзамену, на который явился в собрание Университета в 1805 году. Здесь, выдержав с отличием установленное испытание, он признан был достойным степени магистра философии и свободных наук. 30 июня, в памятный Университету день пятидесятилетнего юбилея его, Кошанский был утвержден магистром, одновременно с Р.Ф.Тимковским, ставшим впоследствии известным профессором Греческой и Латинской Литературы и Древностей»⁸.

Кроме преподавания в учебных заведениях, Н.Ф.Кошанский давал частные уроки в некоторых знатных семьях. Например, он преподавал древние языки Н.Муравьеву, будущему декабристу, о чем сообщал близкий Муравьевым К.Н.Батюшков⁹.

Будучи молодым педагогом и помня совсем недавние трудности своих ученических лет, Н.Ф.Кошанский имел возможность с двух сторон взглянуть на процесс образования, который в то время часто сводился к записи профессорских лекций, что значительно сужало образовательные возможности учеников и студентов. А часто встречающееся незнание иностранных языков, особенно среди разночинской массы учащихся, вовсе делало образование мало доступным. Понимая это, Н.Ф.Кошанский одним из направлений своей деятельности выбрал перевод, составление и сочинение научных и учебных изданий по гуманитарным дисциплинам.

В период с 1802 по 1811 гг., т.е. со времени окончания университета и до поступления на службу в Царскосельский лицей, Н.Ф.Кошанским были изданы: «Таблицы латинской грамматики» (1803 и 1806 гг.); «Начальные правила российской грамматики» (1806 и 1810 гг.); «Правила, отборные мысли и примеры латинского языка» (1806 г.); «Руководство к познанию древностей Миллеия, в пользу учащихся при Московском университете» (1807 г.); «Учебная книжка латинского языка, с французского» (1809 г.); «Латинская грамматика с примерами для чтения, по Бредеру» (1811 г.); «Цветы греческой поэзии с текстом, сравненным и исправленным, с замечаниями и объяснениями историческими, критическими и эстетическими и с российским переводом в стихах» (1811 г.)¹⁰.

Перечисляя труды и переводы Н.Ф.Кошанского, следует сказать, что этот период был очень важным как в деятельности самого Кошанского, который именно в это время заявил о себе как о талантливом ученом и педагоге, так и в жизни Московского университета, в котором в этот период происходили важнейшие реформы. В этих реформах Н.Ф.Кошанскому, как и другим молодым ученым, отводилась очень важная роль.

В начале XIX в. только-только начинала формироваться единая разнородная система учебных заведений, одной из целей которой была подготовка учащихся к учебе в высших учебных заведениях. Общим следствием реформ должно было стать повышение научного и образовательного уровня российских высших учебных заведений¹¹.

«Поступательный характер развития научных знаний, возросшая потребность русского общества во врачах, учителях, агрономах, механиках, химиках, геологах, географах, астрономах, правоведах, наконец, образованных купцах и промышленниках, военных и государственных деятелях, которых готовил университет, – все это поставило на повестку дня вопрос о подготовке университетской реформы как одной из первоочередных государственных задач», – пишет современный исследователь. Поставив перед Московским университетом задачу «соразмерить свои успехи с распространением наук в Европе», назначенный в 1803 г. попечителем Московского университета М.Н.Муравьев обратился к опыту западноевропейских университетов.

Одним из шагов проводившейся реформы было привлечение в российские университеты иностранных профессоров¹².

В своем отчете за 1803 г. М.Н.Муравьев писал: «Но как общий план университетов полагает большее число профессоров, нежели сколько существовало их в университете при восприятии мною попечительства, и как по выбытию знаменитейших членов университета, некогда из чужих краев вызванных, места некоторых оставались праздными, .. принял я намерение заблаговременно возобновить учение призванием из чужих краев способных профессоров». С этой целью он отнесся к профессорам Геттингенского и Йенского университетов Мейнерсу и Шицу, «которые по местам своим и пространной переписке с учеными имели все возможные способы доставить искуснейших людей»¹³. Проводившаяся в рамках общих реформ образования начала александровского царствования политика приглашения европейских ученых должна была существенно повысить образовательный и научный уровень прежних и вновь создаваемых университетов.

Однако М.Н.Муравьев трезво отдавал себе отчет в преимуществах и недостатках приглашения иностранных ученых. По его представлениям, это была временная мера, необходимая для постановки преподавания новых университетских дисциплин, вводимых уставом 1804 г. В предписании первому выборному ректору Московского университета Х.А.Чеботареву М.Н.Муравьев указывал: «Желание привлечь иностранных профессоров требует большого снисхождения на их требования. Надобно, чтобы каждый из них образовал у себя последователей... Мы должны теперь выписывать профессоров, чтобы впредь не выписывать»¹⁴.

Едва только стали преподавать иностранные профессора, М.Н.Муравьев стал готовить им преемников в лице недавних выпускников университета. К этой группе молодых кандидатов и магистров, претендующих и предназначенных к занятию в будущем создаваемых кафедр, принадлежал и Н.Ф.Кошанский. По плану Муравьева, профессора Маттеи должен был сменить Тимковский, Шлецера – Чеботарев-младший, а Буле – Кошанский¹⁵.

М.Н.Муравьев понимал, что постановка преподавания отдельных дисциплин выписанными из Германии учеными была лишь началом дальнейшего развития университетской науки, требовавшей разработки русской научной терминологии, создания отечественных учебных пособий и оригинальных исследований, соответствовавших современному состоянию европейской науки. В написанном им параграфе 34 одного из черновых проектов устава (этот документ приведен в книге С.П.Шевырева) говорилось: «Желательно, чтобы со временем лекции всех наук преподавались на природном русском языке».

Для ускорения этого процесса он требовал, чтобы профессора университета издавали собственные учебники. В то же время Муравьев считал необходимым, чтобы молодые преподаватели «заблаговременно приучились к сочинению нужных для учения книг» и с этой целью поручил им переводы как трудов крупнейших западноевропейских ученых по своей специальности, так и знаменитых античных авторов. В рамках этой программы и был поручен перевод «Руководства к познанию древностей» французского археолога О.А.Миллена и исторических трудов ученого-просветителя Э.Гиббона. Также предполагалось в рамках «обширной программы переводов классических текстов», препоручить перевод сочинений Ксенофонта магистру Кошанскому¹⁶.

В то же время, по мнению М.Н.Муравьева, необходимым условием для формирования нового поколения отечественных профессоров была стажировка в иностранных университетах, кото

рая рассматривалась как высшее звено, как заключительный этап образования, полученного в самом Московском университете. В специальной записке Муравьев писал об этом вопросе: «Иначе нельзя завести своих профессоров, как посылая их в чужия край, чтобы они выучились там своим правам, трудолюбию и должностям»¹⁷.

Попечитель Московского университета добился разрешения для поездки Н.Ф.Кошанского в заграничную стажировку. В 1805 г. Кошанский должен был отправиться в Германию, однако война с Францией остановила его еще в Петербурге. Чтобы не терять времени даром, молодой ученый занялся изучением коллекций Эрмитажа. Результатом этой командировки стала докторская диссертация «Изображение мифа о Пандоре в античных произведениях искусства», опубликованная в Москве в 1806 г. на латинском языке, как того требовали правила того времени¹⁸.

1 февраля 1807 г. Н.Ф.Кошанский получил степень доктора философии¹⁹. Большую роль в этом событии сыграла связь молодого философа с И.Т.Буле.

Н.Ф.Кошанский не мог слушать лекций этого профессора будучи студентом, знаменитый профессор до 1803 г. преподавал в Геттингене (напомним, что Кошанский закончил университет в 1802 г.). Однако отношения между наставником и его возможным преемником складывались, вероятно, не только благодаря их совместной службе. Как замечает исследователь творческих связей А.С.Пушкина П.Н.Черняев, «на эстетическое и художественно образование Кошанского несомненно оказал громадное влияние профессор Московского университета немец Буле, лекции которого, если и не мог слышать Кошанский в университете,.. то все-таки мог посещать его приватные лекции, которые Буле читал у себя на дому»²⁰.

Известно, что для наиболее подготовленной части молодежи, в число которой входили и Н.Ф.Кошанский, и А.С.Грибоедов, и П.Я.Чаадаев, И.Буле организовал у себя дома своеобразные семинары, или «приватные» лекции, обстоятельно разбирая со слушателями различные вопросы по философии, римской и греческой литературе, теории и истории изящных искусств²¹. На этих занятиях, в общении с философом и складывались окончательно взгляды Н.Ф.Кошанского.

Именно со времени начала сотрудничества Кошанского и Буле у первого начинают выходить первые научные, в современном для того времени смысле статьи, помещаемые в журналах, издаваемых И.Т.Буле.

По поручению М.Н.Муравьева, «правой рукой» которого сделался знаменитый профессор²², И.Т.Буле стал выпускать периодические университетские издания, в дополнение к «Вестнику Европы», издававшемуся также от университета.

Однако если бывшее детище Н.М.Карамзина («Вестник Европы»), перешедшее к молодому университетскому преподавателю М.Т.Каченовскому, носило смешанный характер и помещало как художественные, так и «ученые» произведения²³, то задуманные журналы должны были носить сугубо научный характер. Именно такими должны были стать «Московские ученые ведомости» (1805—1807 гг.) и «Журнал изящных искусств» (1807 г.), редактором которых стал Буле. Его помощником, переводчиком и одним из авторов стал Н.Ф.Кошанский.

Главной целью «Московских ученых ведомостей» было «сообщать российской публике историческое известие о вышедших вновь важнейших и занимательнейших сочинениях, как отечественных, так и иностранных писателей»²⁴. В отделе «Ученые известия» публиковались сообщения о деятельности Московского университета и его обществ.

«Журнал изящных искусств» должен был «распространять художественные знания и содействовать сколько ни есть возвышению вкуса в обширнейшей России». С этой целью его издатель Буле считал необходимым не только сообщать читателям интересную информацию, но и вводить их в основы теории искусств и излагать им историю «древних искусств и новейших, в особенности русских»²⁵. В программной статье «Журнала...» сообщалось: «Издатель и Особы, принявшие участие в трудах сих, будут сколько возможно показывать начала и законы прекрасного, и открывать способ действия общий и частный, приличный каждому искусству; они особенно будут иметь в виду истинное удовольствие и прямую пользу художников и любителей, избегая сколько возможно всех отвлеченных метафизических тонкостей и многословного педантства»²⁶.

Лучшую школу для начинающего ученого трудно было найти. Став переводчиком И.Т.Буле, не писавшего по-русски, Н.Ф.Кошанский получил прекрасную возможность для получения столь необходимой, особенно в то время, практики передачи научной, философской и эстетической информации на русском языке. Со временем он начинает печатать и свои оригинальные статьи.

В третьей книжке «Журнала изящных искусств» Н.Ф.Кошанский поместил свою статью «Каков должен быть истинный Художник», в которой попытался передать свой, сложившийся к

тому времени, взгляд на природу художественного творчества, начав его рассмотрение с более узкого и закончив самым широким смыслом этого слова.

В этой статье автор старается определить отличия художника от ремесленника и ученого. «Сие слово, – пишет Н. Ф. Кошанский о понятии «художник», – означает человека, посвятившего себя Искусствам, кажутся, только изящным; ибо тех, кои занимаются механическими, называют особо *ремесленниками*. – Однакож Поэта и Музыканта мы не называем Художниками, потому что они, кроме известных знаков и тонов, не употребляют никакой *ручной работы*»²⁷. Отличие художника видится Н. Ф. Кошанскому не только в умении рисовать и «искусно работать руками». Общим для всех людей творчества должно быть другое. «Есть ли в начале физических достоинств его (художника) поместили мы верность глаз и гибкость руки, то без сомнения в числе душевных способностей первое место занять должен прямой ум и его живость, – прибавим к нему твердую память». Продолжая развивать мысль о роли памяти в творчестве художника, Н. Ф. Кошанский пишет: «Но есть различные роды памяти, – мы особенно одарим Художника нашего памятью *понятий, предметов и видов*, – далее выделяя отличия художника от ученого, – и оставим ученым память *чисел, происшествий и имен*, которая для них необходима»²⁸.

Выделяя различия художественного и научного творчества, Н. Ф. Кошанский поднимает актуальную для 1810-х гг. проблему, характерную для эпохи предромантизма, господствовавшего в 1800—1810-х гг. Эта проблема состояла в выявлении соотношения творческой свободы и правил творчества, его рациональности²⁹.

В условиях кризиса просветительской идеологии, особенно распространенного в России после кровавых событий Великой Французской буржуазной революции, среди интеллектуалов русского общества стало характерным скептическое отношение к каким-либо рационалистическим теориям и правилам. В области философских исканий это отразилось в усилении веры в мистицизм, в области литературы — в развитии сентиментализма³⁰. Любой человек, верящий в возможности рационального постижения мира, вызывал улыбку среди образованной части общества, а любое проявление научного знания, основанного на рационализме, принимало в глазах общества облик «ученого педантизма» (что, кстати, нашло отражение в позднейшей критике курсов риторике Кошанского). В этих условиях автор статьи «Каким должен быть Художник» говорит, что «правила творчества» необходимы любому творческому человеку.

«Память понятий, – пишет Н.Ф.Кошанский, – составляет в искусствах и в жизни человека связь мнений, называемых *правилами*, без коих есть ли кто думает, есть ли кто поступает или делает, – все на удачу»³¹. Однако «одной памяти и воображения не довольно для тех успехов, к которым готовим мы нашего художника; должно чтобы разум составил связь понятий и расположил точным образом наши *правила*. Один только разум может соображать все произведения наши с общим приличием и с великими отношениями, существующими во всякое время, или входящими во вкус общества»³².

Дополняя эту мысль, автор говорит, что рациональность в творчестве должна быть основана и на познаниях в той области, где творит художник. «...Художник, – пишет Н.Ф.Кошанский, развивая эту тему, – умеющий чувствовать, встретит еще одно неудобство от недостатка познаний, когда он, стремясь излить высокие понятия об Искусстве, или полезные наблюдения, увидит великое затруднение в *искусстве писать*... Художник предупредить должен сие неудобство, сделав навык сообщать с другими сведения свои или посредством чтения, или посредством собственных рассуждений, писанных о теории своего Искусства. Сие средство ведено во всех славнейших Академиях, и доказывает, сколько Художнику первое образование необходимо»³³.

Рационализм в творчестве, к которому призывал Н.Ф.Кошанский, относился больше к способу передачи душевных переживаний художника, чем к его замыслам. «Педантический рационалист» в вопросах стилистики, заслуживший за это суровую отповедь В.Г.Белинского, Н.Ф.Кошанский тем не менее вполне понимал роль душевных переживаний автора, индивидуальных для каждого и не всегда доступных к «правильной передаче». «...в красноречии живописном, – говорит Кошанский в своей статье, – как в словесном и музыкальном, тот только трогает, кто сам тронут»³⁴.

Однако Н.Ф.Кошанский остается верен своему ученому званию, делая упор на необходимости образования, противопоставляя его «дворянскому дилетантизму», широко распространенному в то время в русских литературных и светских салонах³⁵. «И так, – пишет Н.Ф.Кошанский, – я должен причислить сие образование к числу способностей, приобретенных нашим Художником; должно желать сего в такой степени, чтобы ему приятно было в часы отдыха и свободы читать и писать о своем Искусстве вместо забавы; я желал бы, чтобы он обогатил воображение свое оригинальными творениями, в коих хранятся истины и басни,

источник Искусств изящных; желал бы, чтобы он в книгах нравственных научился узнавать людей и их страсти; ибо по вседневным занятиям, он не может видеть людей так близко, как Философ-наблюдатель»³⁶.

Во взглядах Н.Ф.Кошанского четко прослеживается смешение взглядов, которое было свойственно первым десятилетиям XIX в. Предромантические веяния в философских и эстетических взглядах его сочетались с традиционными классицистскими постулатами, характерными для века XVIII.

Присущий эпохе Просвещения и поэтике классицизма культ античности также присутствовал и во взглядах Кошанского. В том же «Журнале изящных искусств» он поместил две переводные статьи из книги Винкельмана «История изящных искусств» (эту книгу Н.Ф.Кошанский также переводил и готовил к изданию, но работа осталась незавершенной³⁷). Эти статьи содержали описание статуй Аполлона Бельведерского и Лаокоона³⁸.

Сотрудничество Н.Ф.Кошанского в журналах И.Т.Буле продолжалось весь период существования этих изданий. Получив опыт работы в журналах, Н.Ф.Кошанский после закрытия журналов Буле продолжал печатать свои статьи в других русских журналах. Так, его статьи помещали на своих страницах «Московские ведомости», «Jornal de la societe des naturalistes», «Русский вестник», «Вестник Европы» и другие журналы³⁹.

Таким образом, формирование Н.Ф.Кошанского как ученого и педагога проходило в рамках осуществлявшихся реформ образования первых лет александровского царствования. Приобретение навыков философа, переводчика, журналиста сопровождалось вниманием высоких чинов российской бюрократии и ученого мира Московского университета, какими были М.Н.Муравьев и И.Т.Буле. Последний оказал большое влияние на складывание философских и эстетических взглядов Н.Ф.Кошанского. Следуя своим учителям, Н.Ф.Кошанский воспринял и педагогические взгляды наставников.

Однако, несмотря на покровительство попечителя, карьера Н.Ф.Кошанского от этого не стала легкой.

В 1807 г. М.Н.Муравьев скончался. Попечителем Московского университета стал А.К.Разумовский, а затем П.И.Голенищев-Кутузов. Так важная в условиях самодержавной бюрократии «партийность» сыграла в случае смены попечителей с Н.Ф.Кошанским злую шутку. У наставника Н.Ф.Кошанского, И.Т.Буле не сложились отношения с новым попечителем (Голенищевым-Ку

тузовым) и он был вынужден уйти из университета в сентябре 1811 г. Казалось бы, место профессора на кафедре теории изящных искусств и археологии должен был занять Кошанский. Но этому не суждено было случиться, и место профессора на этой кафедре занял М.Т.Каченовский, близкий к «партии» Разумовского, ставшего к тому времени министром просвещения.

Биограф Н.Ф.Кошанского пишет об этом периоде жизни так: «Однако, занять профессорскую кафедру Николаю Федоровичу не удалось: не оказалось свободного места. Вскоре умер покровитель Кошанского, М.Н.Муравьев. Молодому ученому пришлось отказаться от профессуры и взяться за преподавание в ... Благородном Пансионе. Здесь Кошанский преподавал русский, славянский и латинский языки, риторику, логику, историю русской литературы, также мифологию и древности. Педагогическая литература того времени была скудна, и это побудило Кошанского составить несколько учебников по русскому и латинскому языкам. Книжки имели большой успех и потом долго обслуживали русскую школу. В Москве Кошанский преподавал также в Воспитательном доме, в Екатерининском институте, в учебном заведении Виллерса»⁴⁰.

В 1809 г. Н.Ф.Кошанский стал секретарем Московского цензурного комитета. По-прежнему он продолжал частную преподавательскую практику. Столь многие места службы, естественно, отнимали массу времени. Однако в ожидании вакансии он оставался в университете до 1811 г., а когда на место Буле был назначен Каченовский, был вынужден уйти из него⁴¹.

Однако на его уход повлияло не только это. В 1809 г. вышла книга «Ложный Петр III». Она вышла с одобрения Московского цензурного комитета, и ее цензором был Кошанский. Эта книга не понравилась Александру I, и в декабре 1810 г. он поинтересовался, изъята ли книга «Ложный Петр III» из продажи. Призвали к ответу цензора. В своем донесении Н.Ф.Кошанский написал, что исключил из рукописи некоторые места, отчего «порядок нарушился и вся связь книги потерялась», получилась «смесь нелепых разбойничьих и романтических происшествий», при этом он ссылаясь на 21-й пункт цензурного устава, где «повелевается столкновывать» сочинения «выгоднейшим для сочинителя образом». Совет Московского университета «сделал ему строжайший выговор за вымудренное и кривое толкование пунктов устава о цензуре» и «за дерзость, с каковою выражается в своем донесении». Кошанскому было объявлено, что он при образе его мыс

лей не может быть терпим в университете, если не переменится⁴². Как полагает Л.А.Степанов, «это обстоятельство, скорее всего, и побудило Кошанского покинуть Московский университет и просить министра просвещения А.К.Разумовского о предоставлении ему места в Царско-сельском Лицее, куда он и был переведен вскоре после открытия лицея, в декабре 1811 года»⁴³.

Трудно судить, по какой причине Н.Ф.Кошанский покинул Москву. То ли это было от неудовлетворенности своим положением и отсутствием перспектив, то ли от притеснений по основному месту службы. В своем письме к министру он так описывает свое состояние: «С 1806 года, произведен будучи доктором философии, посвятил себя, по назначению совета и по склонности моей, теории изящных искусств, собирал сведения, издавал некоторые опыты знаний и никакого счастья не желал более, как быть полезным месту моего образования. Ныне оставаясь в бездействии для университета и видя пред собою мрачную неизвестность, я страшусь будущего. Быть может судьба повлечет меня на другое поприще новое и сомнительное. Сие состояние неизвестности осмеливает меня прибегнуть к Высшему Покровителю Российских муз и ласкать себя надеждою, что ваше сиятельство, положив основание моего счастья и довершит оное»⁴⁴. Комментируя это письмо и указывая сумму дохода Н.Ф.Кошанского в Москве ко времени перехода в лицей (5850 руб.), А.А.Рубец пишет: «все это показывает, что Николая Федоровича не прельщали выгоды материальных удобств и не удержали искать более определенной, более обширной педагогической деятельности. Содержание от Лицея, почти в 2,5 раза меньшее противу суммы доходов, получаемых в Москве, не удерживает его просить перемещения»⁴⁵.

Рассмотрев просьбу Н.Ф.Кошанского, граф А.К.Разумовский, знавший его по совместной деятельности Московского общества испытателей природы, пригласил Кошанского в августе 1811 г. на должность профессора Царкосельского лицея⁴⁶.

Царкосельский лицей был создан по инициативе Лагарпа, которую поддержал Александр I, желавший обучать в нем своих братьев.

По проекту Царкосельский лицей – высшее привилегированное закрытое учебное заведение для дворян, предназначенное преимущественно для подготовки высших государственных чиновников, в основу которого были положены университетские принципы энциклопедизма и свободы преподавания.

В полном согласии с идеей общечеловеческого воспитания, положенной в основу учебных программ, документ, определявший лицо будущего лицея («Постановление о Лицее»), ставил перед педагогами и воспитателями задачу прежде всего обеспечить своим питомцам общее образование как фундамент всякой специальной подготовки⁴⁷.

К университетской была приближена учебная программа лицея, получившая преимущественно гуманитарно-юридический характер. В лицее изучались науки нравственные (Закон Божий, этика, логика, правоведение, политическая экономия), словесные (русская, латинская, французская, немецкая словесность и языки, риторика), исторические (русская и всеобщая история, география), физические и математические (математика, начала физики и космографии, математическая география, статистика), изящные искусства и гимнастические упражнения⁴⁸.

Кроме учебных программ, при подготовке к открытию лицея большое внимание уделялось разработке методики преподавания. В «Постановлении...» особо отмечались некоторые методы работы педагогов. Так, п. 61 VI главы определял: «Правила должны быть последствием и, так сказать, заключением образцов; они должны быть столь можно кратки и удобны». Историк педагогики отмечает, что преподавание в лицее основывалось на примерах, фактах и образцах и затем уже преподаватели переходили к правилам, которые были «кратки и удобны»⁴⁹.

По приезду в Петербург Н.Ф.Кошанский сразу же окунулся в подготовительную работу. Оставаясь жить в самом Петербурге, он закупал книги для классов, составлял проекты распределения занятий воспитанникам и профессорам, готовил речь для произнесения на акте открытия лицея и постоянно был в сношениях с министром А.К.Разумовским, главным распорядителем всего дела, и директором его канцелярии И.И.Мартыновым. В сентябре 1811 г. Кошанский переехал в Царское село и 12 сентября на первом собрании лицейской конференции был избран секретарем и стал в связи с этим ближайшим помощником директора⁵⁰.

Н.Ф.Кошанский стал преподавать русскую и латинскую словесность, имея уже десятилетний опыт педагогической деятельности. Именно в Царкосельском лицее он проявил себя как талантливый педагог.

В лицейский период жизни Н.Ф.Кошанского можно выделить две основные образующие: воспитательный процесс Кошанского, отчасти подготовивший литературное проявление поэта

ческого дара А.С.Пушкина и составление учебных курсов риторики, определявших обучение этому предмету в 30—40-х гг. XIX в. К сожалению, после оставления Москвы и утери связи с И.Т.Буле философские занятия Н.Ф.Кошанского или прекратились, или лицейский профессор попросту их не афишировал. Однако несомненно, что философское мировоззрение Кошанского определило его подход и к воспитательному процессу в Лицее, и к разрабатываемому им курсу, опирающемуся на античное наследие, столь любимое московским профессором.

Осознав еще до Лицея сложности преподавания, которые упирались в поиске сочетания научной «сухости» и «занимательности», Н.Ф.Кошанский в своих курсах старался сочетать эти две крайности.

Перейдя в Царскосельский лицей, Кошанский старался насаждать там традиции Благородного пансиона, что было тем легче, что первый директор В.Ф.Малиновский, адъютант Кошанского П.Е.Георгиевский, да целая треть курса лицеистов первого курса – были питомцами того же пансиона⁵¹. В частности, Н.Ф.Кошанский старался пересадить в Лицей литературные упражнения, которые так процветали в Благородном пансионе. По свидетельству Грота, Кошанский постоянно побуждал лицеистов упражняться в самостоятельных литературных опытах, то задавая несложные, но умно выбранные темы, то предоставляя самим ученикам придумывать их, требуя изобретательности в сюжете и изящности в изложении. «По временам, – писал Я.К.Грот, бывший питомец лицея, – он поощрял нас пробовать свои силы в стихотворстве и потом читал наши опыты вслух перед всем классом»⁵².

Другой лицеист, друг А.С.Пушкина, писал: «Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончив лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четверостишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его лепета. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 1811 году, и никак не позже первых месяцев 12-го года»⁵³.

Об успехах, которых Кошанскому удавалось добиться в работе с лицеистами, свидетельствует сравнение отрывка «Бурные ночи», написанного лицеистом Илличевским, с другим отрывком, созданного после первого через два года размышлением «Строгое исполнение должностей доставляет чистейшее удовольствие». На

ту же тему, что и второе упражнение Илличевского, написано и одно из сочинений тетради М.Корфа. Их сопоставление показывает, что характер учебных заданий оставлял лицеистам достаточную свободу для проявления авторской индивидуальности. Другое сочинение Корфа – «Мысли по случаю взятия Парижа», посвященное событию, воспетому в известных нам близких по времени одах А.Дельвига и А.Илличевского. По мысли Н.Н.Петруниной, это дает основание предполагать, что «...в отдельных случаях ученики пользовались правом выбора и могли разрабатывать предложенную тему в зависимости от желания — в прозе или в стихах»⁵⁴.

Давая возможность своим ученикам проявить личное художественное дарование, Кошанский старался придать его воплощению традиционные классические формы. Побуждая лицеистов к творчеству, он сам сочинял стихи, переводил древних и новых авторов. При этом, следуя своим взглядам, изложенным еще в «Журнале изящных искусств», он полагал, что прежде чем писать, надобно научиться мыслить и чувствовать, еще надобно знать правила. «Скажут: Гению правил не нужно, — писал он позднее в своей «Общей риторике», — ... Не спорю... Но — сочтите Гениев... И притом не забудьте, что и кедр сначала растет наравне с травой и греется тем же солнышком и питается тою же рососою»⁵⁵.

Сохранившиеся тетради лицеиста Горчакова передают тот материал, те правила, которые позднее были объявлены «излишним педантством». Эти записи позволяют отчасти реконструировать те представления о литературном и, в частности, прозаическом творчестве, которое внушал Кошанский своим слушателям.

«Первое достоинство слога, — читаем в тетради Горчакова, — ясность... Ясность соблюдается четырьмя способами: твердым знанием предмета, внутренней связью мыслей, естественным порядком слов, точностию слов и выражений... темнота, непонятность — следствие неясного разумения предмета или недостаточного выражения... Если все достоинства слога соблюдены, но нет внутренней связи, а только наружная, частицы, сочинение называется пустословием (галиматьею)». В другом месте: «Слог имеет два достоинства, т.е. ясность и украшение. Украшение есть средство, которое употребляется для большей силы или приятности... Украшение затемняет ясность слога; итак, украшение должно ограничиваться ясностью».

Н.Ф.Кошанский внушал лицеистам четкое сознание следствий, которые влечет за собой употребление того или иного риторического приема, ощущение тесной связи между тем, что мы

сейчас называем содержанием и формой литературного произведения. Как мы видели, именно эта мысль лежит в основе разработки темы о риторических украшениях; характерна она и для других разделов курса Кошанского. «Периодический слог соблюдает полноту периодов и неразрывную цепь мыслей, – говорил он. – ...Отличия сего слога: обилие, полнота, плавность... следствие: однообразие и утомление... Но если обыкновенная связь мыслей оставляется, то слог бывает отрывистым, или лаконическим... Он состоит из кратких и сильных мыслей, соединенных общим отношением к главному предмету... лаконический слог часто отличает великих мужей и героев, которые, подобно лакедемонцам, больше действуют, нежели говорят». Сокровенный подтекст этого и других положений лицейского курса Кошанского раскрывается в замечательно точной формулировке его «Общей риторики»: «Всякое лишнее слово в прозе есть бремя для читателя. В стихах иногда извиняют для меры, для рифмы; в периодах – для ораторской полноты и течения речи; а в изящной прозе нет подобных извинений»⁵⁶.

Следует сказать, что вышедшие в конце 20—40-х гг. XIX в. «Общая риторика» и «Частная риторика» были составлены на основе лицейских курсов Н. Ф. Кошанского⁵⁷.

Забываясь не только об усвоении лицеистами правил прозаических и поэтических сочинений, преподаватель словесности старался привить им вкус к прекрасному, черпая его образцы из классических произведений древности, подчеркивая свое желание, «чтобы русские любимцы Муз обратили внимание на словесность греков, необходимую, кажется, для образования нашего отечественного языка, и если возможно соединили бы ученость со вкусом». «Древние, – писал Н. Ф. Кошанский в одной из своих переводных книг, – служат примером для образования ума и вкуса; нравы и обряды древних показывают красоты писателей; памятники учат превосходству художников». Или: «Все великие поэты достигли высоты единственно глубоким учением древностей». Таким образом, для Кошанского древность – идеальный мир норм и эстетических канонов, черты которого он рекомендовал изучать по «бессмертным сочинениям» Винкельмана, Лессинга, Зульцера и других⁵⁸, передавая таким образом наставления И. Т. Буле младшему поколению учащихся.

При этом не следует излишне критиковать Н. Ф. Кошанского за «архаичность» его эстетических взглядов. В своих работах и лекциях он старался при всем своем уважении к древностям переки

нуть мостик и к современности. На его уроках лицеисты слушали рассказы и анализ сочинений Державина, Карамзина, Дмитриева, т.е. авторов, творивших в самое близкое для лицеистов время. Одним из первых Кошанский ввел на уроках словесности анализ сочинений В.А.Жуковского, а после ухода А.С.Пушкина из лицея разбирал с учениками стихи опального, но популярного среди лицеистов поэта и ввел его в разряд классиков русской литературы в своих учебниках риторики⁵⁹. С другой стороны, аналогии с русскими писателями, часто встречавшиеся в лекциях Н.Ф.Кошанского, приближали этим античных писателей к пониманию их его слушателей.

В противоположность последующей методике обучения языкам и словесности, предусматривавшей упражнения в чтении и переводах с первых шагов изучения языка, Н.Ф.Кошанский подавал материал для чтения и перевода только после прохождения всей грамматики, причем тексты для чтения содержат не античные образцы, а «Натуральную историю для детей», в которой содержались такие фразы: «Земля с прочими элементами: огнем, воздухом и водою создана для людей... Люди владеют всею землею... (Разум) обращает всю землю и все, что на ней находится, в свою пользу... Он (разум) проникает в самое небо»⁶⁰. От себя добавим, что в такой форме, как кажется, доктор философии хоть как-то старался дать детям зачатки философского знания, которое не было включено в программы Лицея.

Важнейшим пособием к изучению античности в лицее явилась «Ручная книга древнеклассической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н.Кошанским», вышедшая в 1816—1817 году в двух томах.

Это руководство охватывало как греческую, так и римскую словесность и состояла из следующих разделов «Археология», «Обозрение классических авторов», «Мифология», «Древности». Это был, по выражению Д.П.Якубовича, «компендиум, по которому можно было серьезно ознакомиться с античностью во всех ее важнейших проявлениях». Особо следует подчеркнуть, что в конце каждого раздела давалась полная для своего времени библиография предмета на разных языках, в том числе и исходящая от самого Кошанского библиография русских переводов древних писателей.

Прекрасно владея предметом, Н.Ф.Кошанский в то же время подавал лицеистам античность под углом зрения историко-литературных аналогий. «Остается желать, когда наш Август... дарует мир вселенной и златой век России», — писал Кошанский о со

временности. Столь излюбленная А.С.Пушкиным впоследствии аналогия между Александром I и Августом, таким образом, впервые преподносилась ему еще его лицейским наставником⁶¹.

Кроме раздела мифологии, особенный интерес в курсе Эшенбурга–Кошанского представляли для лицеистов характеристики древних литератур и отдельных писателей. Многое навсегда входило в представления об античности именно из этого источника. Например, лицеистам должна была запомниться характеристика Анакреонта: «Лирический певец любви и вина», замечательный «по лирическим красотам, по резвой веселости и по их живой откровенной прелести». Эта характеристика и этот эпитет «резвый» не случайно повторяется Пушкиным в его «Гробе Анакреона», стихотворении 1815 г.: «Резвый наш Анакреон, Красотой очарованный...».

Упомянув о влиянии Н.Ф.Кошанского на великого поэта, следует сказать, что в литературе по этому вопросу существовало несколько точек зрения, среди которых были и такие, которые отрицали сколь-нибудь серьезное влияние лицейского профессора на молодого поэта. Но нам представляется более убедительной точка зрения, согласно которой риторические приемы, преподаваемые Н.Ф.Кошанским, и уроки греческой и латинской словесности оказали большое влияние на поэта, несмотря на отрицание этого самим Пушкиным⁶².

Служба в лицее продолжалась до марта 1828 г. Но еще в 1823 г. Н.Ф.Кошанский был назначен членом Комитета для рассмотрения учебных книг, в Пажеском и Кадетском корпусах употребляемых, где он прослужил три года. Затем, был открыт Комитет при Министерстве народного просвещения для рассмотрения учебных пособий, употребляемых в учебных заведениях всей России. В этом Комитете сотрудниками по работе для Н.Ф.Кошанского были известные ученые того времени академики А.Х.Востоков и П.И.Кеппен, профессор Я.В.Толмачев. Кошанский занимался выбором и составлением букваря, написал программу преподавания словесности, которая заслужила предпочтение перед всеми другими. Подлинным триумфом педагогической деятельности было избрание его «Общей риторики» образцовым учебником для учебных заведений Российской империи. Руководитель Комитета А.А.Перовский 14 января 1830 года докладывал по этому поводу министру народного просвещения кн. К.А.Ливену: «Комитет, рассмотрев помянутую Риторику, нашел, что она, основана будучи на нынешнем состоянии нашей словесности, более

прочих подобных книг применена к потребностям гимназий и потому, по мнению Комитета, с пользою употребляема может быть в учебных наших заведениях».

Последний отзыв об этом учебнике был помечен 23 декабря 1831 г. На следующий день, 24 декабря вышел 239-й номер «Северной пчелы», который открывался некрологом: «22 декабря скончался здесь в Санкт-Петербурге, после непродолжительной болезни директор Института слепых (где последние годы работал Н.Ф.Кошанский. – А.Х.), статский советник Н.Ф.Кошанский, сочинитель и издатель многих хороших учебных книг. Он был несколько лет профессором русской словесности в Императорском Царскосельском лицее; блистательные успехи многих учеников его на поприще литературы свидетельствуют о заслугах и дарованиях наставника»⁶³. Так закончилась жизнь одного из учеников И.Т.Буле.

Воспоминания бывших воспитанников Лицея создают некоторый образ лицейского словесника. Один из них вспоминал, что «вся его внешность, необыкновенно мягкая и изящная в формах, вполне соответствовала его внутренним достоинствам, и все вместе внушало к нему искреннюю любовь и уважение воспитанников»⁶⁴.

По своим общественно-политическим взглядам Н.Ф.Кошанский был благонамеренным человеком, как и большинство его современников. В известном доносе 1826 г. «О лицейском духе» Кошанский аттестован как человек, который «почел бы себе за грех и за преступление толковать своим ученикам то, что не должно». Однако биографы не знают за ним реакционных действий.

Вместе с тем исследователями установлено (Б.Мейлах, Н.К.Пиксанов и др.), что Кошанский числился «витией» (оратором) «Лужи избранного Михаила», находившейся под влиянием Союза спасения, а затем Союза благоденствия. Косвенным источником, позволяющим судить о взглядах лицейского профессора словесности, является его рукопись, посвященная деятельности первого директора лицея В.Ф.Малиновского. В ней нет того оценочного нейтралитета, который свойственен некрологу о нем, помещенному «Сыном Отечества». Кошанский с явной симпатией характеризует «политический радикализм» Малиновского.

Об определенных политических взглядах Н.Ф.Кошанского говорят и некоторые материалы его пособий. Так, в учебном пособии, широко использовавшемся на занятиях лицеистов, «Ручная книга древней классической словесности», изданной Кошанским, давалось следующее примечательное объяснение причин

расцвета искусств в античном мире: «...Во-первых, – отмечалось здесь, – счастливые дарования сего народа (Греции. – А.Х.), потом образовали их правления республиканский и вольный; важность обычаев и обрядов...». Далее следовал существенный, соответствующий общей лицейской педагогической платформе вывод: «С утратой свободы греки лишились нравственной деятельности и всех побуждений к славе»⁶⁵.

Биография Н.Ф.Кошанского показывает те сложности, которые испытывало развитие и распространение философского знания в России. Не находя на практике применения своим знаниям (известно, что философия надолго была изгнана из курсов университетов в нач. XIX века), ученики знаменитого немецкого философа должны были искать себе другого поприща, применяя к нему тот потенциал, который они почерпнули из лекций своего учителя.

Библиография

1. *Архипова А.В.* Предромантические тенденции в критике 1800—1810-х гг. // Очерки истории русской литературной критики в 4-х томах. Т. I. СПб., 1999.
2. *Батюшков К.Н.* Сочинения в 3 т. Т. I. СПб., 1885.
3. *Голубков В.В.* «Общая риторика» Н.Ф.Кошанского // Русский язык в школе. 1941. № 2.
4. *Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.
5. *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887.
6. *Данилов В.В.* Стихотворение «Цель нашей жизни», приписываемое Пушкину // Пушкин: исследования и материалы. Труды III Всесоюзной пушкинской конференции. М.-Л., 1953.
7. *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
8. *Зубков Н.Н.* Кошанский Н.Ф. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 116-117.
9. Из материалов пушкинского лицея. Публ. Н.Н.Петруниной // Пушкин: исследования и материалы. Т. XIII. М.-Л., 1989.
10. *Кобеко Д.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911.
11. *Кошанский Н.Ф.* Аполлон Бельведерский // Журнал изящных искусств. 1807. Кн. 3.
12. *Кошанский Н.Ф.* Каков должен быть истинный Художник // Журнал изящных искусств. 1807. Кн. 3.
13. *Кошанский Н.Ф.* Лаокоон // Журнал изящных искусств. 1807. Кн. 3.
14. *Кошанский Н.Ф.* Общая риторика. СПб., 1834.
15. *Лотман Ю., Успенский Б.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Т. 24. Тарту, 1975.
16. *Майков Л.Н.* Пушкин в изображении М.Ф. Корфа // РС. 1899. Кн. 8.
17. *Михайлова Н.И.* Лицейский преподаватель А.С.Пушкина Н.Ф.Кошанский и его «Риторика» // Русская словесность. 1998. № 3.
18. Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Т. 2. Пг., 1921.
19. *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997.
20. *Петров Ф.А.* Российские университеты в I-й пол. XIX в. Формирование системы университетского образования. Кн. 1. Зарождение системы университетского образования в России. М., 1998.
21. *Петров Ф.А.* Российские университеты в I пол. XIX в. Формирование системы университетского образования. Кн. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в. Ч. 1. М., 1998. С. 40-41.

22. Пиксанов Н. Н.Ф. Кошанский // Пушкин А.С. Собрание сочинений, под ред. С.А. Венгерова. Т. 1. СПб., 1907.
23. План журнала // Журнал изящных искусств. 1807. Кн. 1.
24. Зыкова Г.В. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805—1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998. 129 с.
25. Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина. М., 1976.
26. Пуцин И.И. Записки о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974.
27. Равкин З.И. Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры (1811—1817 гг.): Историко-педагогический очерк. М., 1999.
28. Рубец А.А. «Наставникам, хранившим юность нашу...». Памятная книжка чинов Императорского Александровского, бывшего Царскосельского, Лицея, с 1811 по 1911 год. СПб., 1911.
29. Селезнев И. Исторический очерк Царскосельского, ныне Александровского, Лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861.
30. Степанов Л.А. К истории создания «Капитанской дочки» (А.С. Пушкин и книга «Ложный Петр III») // Пушкин: исследования и материалы. Т. XIV. М.-Л., 1991.
31. Филонов А. Учебники по теории прозаических сочинений // ЖМНП. 1860. № 4.
32. Черняев П.Н. А.С. Пушкин, как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899.
33. Шевырев С.П. История Московского университета. М., 1855.
34. Якубович Д.П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Вып. 6. М.-Л., 1941.

Примечания

- ¹ *Кобеко Д.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811-1843. СПб., 1911. С. 25; *Черняев П.Н.* А.С.Пушкин, как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899. С. 7.
- ² *Пиксанов Н. Н.Ф.Кошанский // Пушкин А.С.* Собрание сочинений, под ред. С.А.Венгерова. Т. 1. СПб., 1907. С. 250; *Зубков Н.Н.* Кошанский Н.Ф. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 116.
- ³ *Петров Ф.А.* Российские университеты в I пол. XIX в. Формирование системы университетского образования. Кн. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в. Ч. 1. М., 1998. С. 40-41.
- ⁴ *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 65-66.
- ⁵ Из материалов пушкинского лицея. Публикация Н.Н.Петруниной // Пушкин: исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 309.
- ⁶ *Пиксанов Н. Н.Ф.Кошанский...* С. 250.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Рубец А.А.* «Наставникам, хранившим юность нашу...». Памятная книжка чинов Императорского Александровского, бывшего Царскосельского, Лицея, с 1811 по 1911 год. СПб., 1911. С. 266.
- ⁹ *Батюшков К.Н.* Сочинения в 3-х томах. Т. 1. СПб., 1885. С. 104.
- ¹⁰ *Селезнев И.* Исторический очерк Царскосельского, ныне Александровского, Лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 98-99.
- ¹¹ См.: *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 1998.
- ¹² *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 45-46.
- ¹³ Цит. по: *Шевырев С.П.* История Московского университета... С. 329.
- ¹⁴ Цит. по: *Петров Ф.А.* Становление системы университетского образования... С. 213.
- ¹⁵ *Петров Ф.А.* Зарождение системы университетского образования... С. 221.
- ¹⁶ Там же. С. 224-225.
- ¹⁷ Там же. С. 225-226.
- ¹⁸ *Зубков Н.Н.* Кошанский Н.Ф.... С. 116.
- ¹⁹ *Пиксанов Н. Н.Ф.Кошанский...* С. 251.
- ²⁰ *Черняев П.Н.* А.С.Пушкин, как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899. С. 9.
- ²¹ *Петров Ф.А.* Зарождение системы университетского образования в России... С. 242.
- ²² Как писал Н.Пиксанов: «Буле скоро стал правой рукой попечителя во всех просветительских мероприятиях. Кошанский долгие годы вращался в оживленной университетской среде и стал в самые близкие отношения и к Муравьеву, и к Буле. Эти связи, несомненно, в значительной степени определили всю его духовную физиономию» (*Пиксанов Н. Н.Ф.Кошанский...* С. 250).
- ²³ Подробнее см.: *Зыкова Г.В.* Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805-1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998. 129 с.
- ²⁴ Цит. по: *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 85.
- ²⁵ План журнала // Журнал изящных искусств. 1807. Кн. 1. С. 19.

- 26 План журнала // Журнал изящных искусств. Кн. 1. С. 21-22.
- 27 Кошанский Н.Ф. Каков должен быть истинный Художник // Журнал изящных искусств. 1807. Кн. 3. С. 18.
- 28 Там же. С. 21.
- 29 Архипова А.В. Предромантические тенденции в критике 1800-1810-х гг. // Очерки истории русской литературной критики в 4-х томах. Т. 1. СПб., 1999. С. 153-156.
- 30 Подробнее см.: Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М.Карамзина. М., 1976. 199 с.
- 31 Кошанский Н.Ф. Каким должен быть истинный Художник... С. 21.
- 32 Там же. С. 23.
- 33 Там же. С. 26.
- 34 Там же. С. 25.
- 35 Лотман Ю. Успенский Б. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Т. 24. Тарту, 1975. С. 182-183.
- 36 Кошанский Н.Ф. Каким должен быть истинный Художник... С. 26-27.
- 37 Зубков Н.Н. Кошанский Н.Ф. ... С. 116.
- 38 Аполлон Бельведерский // Журнал изящных искусств. 1807. Кн. 3; Лаокоон // Там же.
- 39 Селезнев И. Исторический очерк... С. 99.
- 40 Пиксанов Н. Н.Ф.Кошанский... С. 251.
- 41 Петров Ф.А. Зарождение системы университетского образования... С. 232.
- 42 Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Т. 2. Пг., 1921. С. 135-136.
- 43 Степанов Л.А. К истории создания «Капитанской дочки» (А.С.Пушкин и книга «Ложный Петр III») // Пушкин: исследования и материалы. Т. XIV. Л., 1991. С. 220-222.
- 44 Цит. по: Рубец А.А. «Наставникам, хранившим юность нашу...»... С. 272.
- 45 Рубец А.А. «Наставникам, хранившим юность нашу...»... С. 272.
- 46 Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей... С. 26.
- 47 Равкин З.И. Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры (1811-1817 гг.): Историко-педагогический очерк. М., 1999. С. 38-39.
- 48 Петров Ф.А. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 1998. С. 11-12.
- 49 Равкин З.И. Педагогика... С. 39.
- 50 Рубец А.А. «Наставникам, хранившим юность нашу...»... С. 272-273.
- 51 О перенесении традиций Московского благородного пансиона в Царскосельский лицей см.: Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899. С. 5, 32, 100; Майков Л.Н. Пушкин в изображении М.Ф.Корфа // РС. 1899. Кн. 8. С. 299-300.
- 52 Грот Я.К. Пушкин, его лицейские... С. 57.
- 53 Гуцин И.И. Записки о Пушкине // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. С. 84.
- 54 Из материалов пушкинского лицея. Публ. Н.Н.Петруниной // Пушкин: исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 312-313.
- 55 Кошанский Н.Ф. Общая риторика. СПб., 1834. С. 8.
- 56 Из материалов пушкинского лицея... С. 310-311.

- ⁵⁷ *Филонов А.* Учебники по теории прозаических сочинений // ЖМНП. 1860. № 4. С. 23-48; *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 55-57; *Голубков В.В.* «Общая риторика» Н.Ф.Кошанского // Русский язык в школе. 1941. № 2. С. 74-80; *Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989. С. 127-132; *Михайлова Н.И.* Лицейский преподаватель А.С.Пушкина Н.Ф.Кошанский и его «Риторика» // Русская словесность. 1998. № 3. С. 8-15.
- ⁵⁸ *Якубович Д.П.* Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Вып. 6. М.-Л., 1941. С. 99-100.
- ⁵⁹ *Михайлова Н.И.* Лицейский преподаватель А.С.Пушкина Н.Ф.Кошанский и его «Риторика» // Русская словесность. 1998. № 3. С. 13.
- ⁶⁰ *Данилов В.В.* Стихотворение «Цель нашей жизни», приписываемое Пушкину // Пушкин: исследования и материалы. Труды III Всесоюзной пушкинской конференции. М.-Л., 1953. С. 303.
- ⁶¹ *Якубович Д.П.* Античность в творчестве Пушкина... С. 101.
- ⁶² Более подробно об отношениях Н.Ф.Кошанского и А.С.Пушкина см.: *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи...; *Черняев П.Н.* А.С.Пушкин, как любитель античного мира и переводчик древнеклассического поэтов... С. 7-13; *Пиксанов Н.* Н.Ф.Кошанский... С. 255-257; *Якубович Д.П.* Античность в творчестве Пушкина... С. 98-104; *Равкин З.И.* Педагогика Царскосельского лицея... С. 84-89; *Михайлова Н.И.* Лицейский преподаватель А.С.Пушкина... С. 8-15.
- ⁶³ *Михайлова Н.И.* Лицейский преподаватель А.С.Пушкина... С. 11-12.
- ⁶⁴ Цит. по: *Равкин З.И.* Педагогика Царскосельского лицея... С. 85.
- ⁶⁵ *Равкин З.И.* Педагогика Царскосельского лицея... С. 87.